

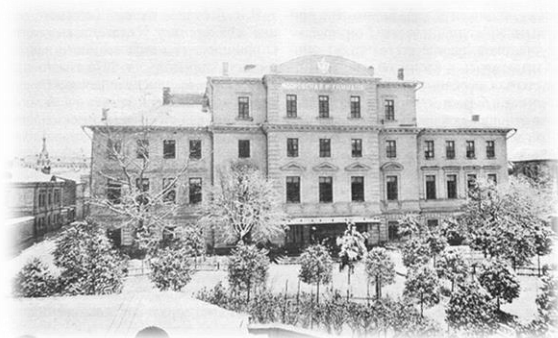
Луговская, Т. А. **Я помню: повесть о детстве** / Татьяна Александровна Луговская; послесл. А. Туркова; ил. Б. Жутовского. – 2-е изд. - Москва : Детская литература, 1987. – 175 с. : ил. 14+

Эта повесть выросла из устных рассказов. В гостеприимный дом театрального художника Татьяны Александровны Луговской часто приходили друзья: Н. Эйдельман, В. Каверин, Н. Крымова, С. Юрский, Н. Тенякова... Беседы были увлекательны, речь искромётна, но больше всего слушатели радовались рассказам хозяйки. Каверин настоял на том, чтобы Луговская доверила их бумаге.

Так в 1983 году появилась книга «Я помню», которую Каверин назвал одной из лучших в русской литературе о детстве. Татьяну Луговскую сразу приняли в Союз писателей. Книга ещё три раза переиздавалась (см. библиографию в конце), но теперь ушла в разряд подзабытых, а жаль! Эти воспоминания о детстве и об отце могут стать необходимыми и для подростка, и для взрослого читателя.

Что особенного в этой книге?

Начало XX века, Москва. Три двора один в другом, как матрёшки, стояли около Первой мужской гимназии, где учителем словесности и инспектором служил отец маленькой Тани – Александр Фёдорович Луговской. Это увлечённый человек, настоящий русский интеллигент. На уроки он ходил «с большим грузом книг, гравюр, картин и даже фарфора... - читаем в книге. - Проходя Державина, Пушкина или Грибоедова, он говорил не только об этих писателях, а показывал ученикам всё искусство того времени. Незаметно для себя вы узнавали, когда и кто строил Адмиралтейство, Горный институт или Казанский собор. Каким был русский фарфор в то время. Из какого стакана мог пить Пушкин, и в какую чернильницу макал гусиное перо Державин. Смотря на портрет Пушкина, вы узнавали про художника Кипренского; читая Карамзина,



любовались Венециановым. Отец никогда не учил - он раскрывал и показывал, но главное, он сам любовался – стихом, прозой, живописью, архитектурой и заражал своей увлечённостью других». Его уроки были любимыми у гимназистов.

Двух старших детей в семье воспитывала его жена, Ольга Михайловна, пианистка, обладательница прекрасного голоса, младшую, Таню, «взял на себя» Александр Фёдорович.

Слабенькую здоровьем, едва не умершую в младенчестве девочку любили и баловали в семье. И Таня быстро научилась этим пользоваться: капризничала, плакала, добиваясь своего.

«В детстве больше всего на свете я любила слушать сказки, рисовать бумажные куклы и плакать, - писала Луговская о себе в книге. - Плакала я с упоением. Причина для слёз находилась всегда: мама плохо на меня посмотрела, не пустили в кухню вылизывать миску, в которой взбивали сливки, вытрясли корзину для бумаг из-под письменного стола отца без моего ведома и осмотра, фрейлен сделала замечание... Иногда я просто... жаловалась всем, что никто меня не любит и не пожалеет. Словом, плакать можно было много и вволю».

Дома даже прозвали Таню Орало-мученицей.

Утешителями были няня и старший брат Володя.

Нянька, родом из деревни Непрядва, с Куликова поля, ошеломляла девочку бесконечными сказками про всемогущего и вездесущего царя Додона: «Нянькин Додон не вмещался в комнату. Он вырывался из печки, крутился волчком, шипел, как уголь, брошенный в воду, гремел громом и снова исчезал... Додон носился как оглашенный, он дрался, крушил всё направо и налево... Додон был ветром, огнём, бурей, ураганом, обвалом в горах и водопадом. Всё в нём было новым и незнакомым... Нянька... творила свой мир, дикий и ни на что не похожий...».

Отец Тани тоже с удовольствием и улыбкой слушал няньку.

А брат Володя шептал сестрёнке на ухо истории про зайцев, в которых главной была она: «Заяц Таня был очень хорошим зайцем. Он никогда не плакал, не сплетничал, не лазил в буфет без спроса, не сопел носом и умел делать красивый реверанс. Другие были похуже, но тоже вполне приличные зайцы... Володины сказки оживляли предметы... и делали их необыкновенными. У чернильницы выросли руки и ноги... Закладки в книжках стонали по ночам и жаловались на свою трудную жизнь. Папина настольная лампа... враждовала с корзиной для бумаг... Брат делал добрую сказку из окружающей жизни».

Всё это помогало Тане творить свой сказочный мир: «Я шла в переднюю, где углом... висела большая вешалка. Остальное пространство...было занято дверями: кухонной, гостиной, столовой и входной... Я зарывалась в пушистую [мамину тальму] и начинала пробираться дремучим лесом в гости к былинам... Мелькали на земле опасные тени, состоящие из одних ног. Огромные, молчаливые птицы... хлопали крыльями, как кухонными дверями. Неподалёку, шумно, как из крана, задыхаясь, лилась вода из родника... Рыжая белка, перескакивая с дерева на дерево, стучала каблучками и указывала мне путь...Стеклянный глаз филина зловеще мигал и был похож на голубоватый плафон... в нашей передней. Мясорубкой скрипел притаившийся за кустами леший, и баба-яга толкла в ступе не то миндаль, не то человеческие кости. Но мне не было страшно, потому что тёплый лес был заодно со мной, он хотел, чтобы я скорее пришла в гости к былинам. И вот наконец начали редеть деревья, немного разомкнулись створки леса и солнце стало просвечивать через ворсистую листву... и сразу всё солнце, которое было на небе и у нас в доме, обрушилось на меня. Разом запели птицы мамиными голосами, цветы с ковра поднялись во весь рост, и налетевший ветер заиграл на рояле».

Вот великолепный образец воображения, фантазии, в которой реальные звуки дома смешались и воплотились в сказку!

За играми девочки внимательно наблюдал отец. Он мало говорил с Таней, зато часто брал с собой не просто на прогулки, а на прогулки с целью. Одна из них (и потом повторявшаяся) – поход в Румянцевский музей к другу отца, реставратору Марку Карловичу. Таня называла его Макарлыч и считала волшебником, который умеет оживлять старые тёмные картины. Она училась видеть, чувствовать, а позже и понимать красоту.



Отец Тани был страстно увлечён живописью, поэтому редкое приобретение дорогих полотен в дом было всеобщим праздником. Событием стала покупка мамой картины Саврасова – подарок для тяжелобольного Александра Фёдоровича:

«Мы смотрели вместе на эту колокольню, на этот тающий снег, на это серое небо с летающими птицами, которые никак не могли опуститься на деревья. Мы вместе слышали птичьих голоса, я вместе с папой смотрела на лёгкие облачка и первые весенние лужи. Он целовал маме руку, но меня-то он всё крепче и крепче прижимал к себе. И я видела, я видела в первый и последний раз в жизни, как из-под пенсне у него

выкатилась слеза и спряталась в усах. Мы были счастливы в этот момент тем высшим счастьем, которое так редко посещает нас в жизни!.. После появления в нашем доме Саврасова болезнь отца быстро пошла на убыль и он стал выздоравливать».

Папа болел долго, почти год, а когда его здоровье начало медленно и трудно восстанавливаться, Таня порой оставалась с ним сиделкой. Она старалась развлечь его.

«- Рассказать тебе что-нибудь, папа?.. Может быть... из священной истории?»

... И я выходила на середину комнаты, принимала позу и начинала бубнить преподанную мне нянькой (с её словечками) историю про Ноев ковчег:

- Ной был мужик с головой. Когда образовался потоп, он сел на ковчег, взяв с собой семь пар видимых животных и семь пар невидимых животных...

Отец закрывал лицо газетой, но я видела... как под одеялом трясся его живот. [Это] заменяло мне аплодисменты. Цель была достигнута – он перестал быть грустным... Надо было рассеять, разогнать, выгнать из кабинета этот угар болезни и безнадежной безрадостности. Да, мама была права, я умела его развлекать! У меня была приготовлена целая программа: чтение стихов, рассказы из священной истории, пение и даже танцы... Приходила мама, и я гордо удалялась из кабинета в детскую с полным сознанием своей необходимости не только родителям, но и всему человечеству».

Таню за проделки наказывали редко и по-особому: она должна была тихо сидеть на стуле в папином кабинете, не мешать ему работать и молчать, обдумывая своё поведение.

В доме ценное – книги, картины, рояль с нотами. Бессребреникам Луговским в жестокие революционные годы пришлось очень туго: голодно, холодно, опасно.

Но в 1919 году, когда Тане было десять лет, её отцу предложили организовать и возглавить сельскохозяйственную школу в Загорске, тогда её называли детской колонией. И больной человек собирал детей, устраивал их быт, учил школьным предметам, вёл кружки, искал надёжных воспитателей. Городской житель, он изучал книги по сельскому хозяйству, учился вместе с детьми крестьянскому труду, огородным работам. Спасал детей от голода.

Таня жила вместе с девочками-колонистками. Такова была педагогическая позиция папы: девочка должна уметь общаться, уметь жить общими интересами, закаляться, работать вместе со всеми. Он требовал от дочери честных, обдуманых поступков. Она ещё не понимала, что так папа помогал ей входить в будущую взрослую жизнь.

«Моё детство было до краёв наполнено счастьем...», - писала Татьяна Луговская.



Немного об авторе

Татьяна Александровна Луговская родилась в 1909 году, в семье преподавателя литературы, инспектора Первой московской гимназии Александра Федоровича и пианистки Ольги Михайловны. Старшим братом Татьяны Александровны был поэт Владимир Луговской.

С юных лет ей повезло общаться с выдающимися поэтами и писателями – В. Маяковским, О. Мандельштамом, А. Ахматовой и др.

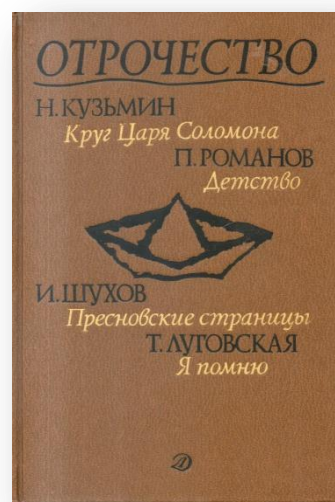
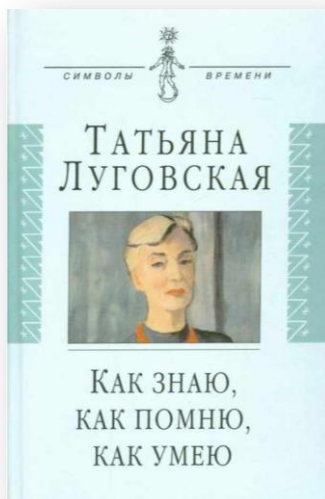
Всю жизнь Татьяна Александровна была театральным художником по костюмам и педагогом. Окружающие отмечали, что к ней всегда тянуло. Ее друзья, а позже и друзья ее мужа – выдающегося киносценариста Сергея Александровича Ермолинского – оставались с ней до последнего дня. Сергей Александрович дружил с Михаилом Булгаковым. После кончины Булгакова его супруга Елена Сергеевна подарила Сергею Ермолинскому перстень с сапфиром, принадлежащий легендарному писателю. С тех пор этот перстень носила Татьяна Александровна Луговская.

Главным интересом в жизни Татьяны Александровны были люди. Ее всегда считали замечательной рассказчицей - остроумной, независимой, с запоминающейся интонацией, точно подмеченными деталями.

Татьяна Луговская умерла 19 февраля 1994 года, ровно через десять лет и один день после кончины ее мужа, Сергея Ермолинского. Ее жизнь вместила в себя весь двадцатый век, целую эпоху...

Библиография

- * Луговская Т. А. Я помню: повесть о детстве / ил. Б. Жутовского. – Москва : Детская литература, 1983. – 175 с. : ил.
- * Луговская Т. А. Я помню: повесть о детстве /ил Б. Жутовского. – 2-е изд. - Москва : Детская литература, 1987. – 175 с. : ил.
- * Луговская Т. А. Как знаю, как помню, как умею. – Москва : Аграф, 2001. – 384 с. - (Символы времени).
- * Кузьмин Н. Круг царя Соломона. – Москва : Детская литература, 1990. – 656 с. – (Отрочество). *Содерж.: Кузьмин Н. Круг царя Соломона; Романов П. Детство; Шухов И. Пресновские страницы; Луговская Т. Я помню.*



Составители:

Кесарева Н.Г., Родина С.Е.

Челябинская областная детская

библиотека им. В. Маяковского